УДК 321.011:330.15

Тюрин Е.А.,

кандидат политических наук, доцент, ученый секретарь ученого совета; доцент кафедры политологии, государственного и муниципального управления; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Орловский филиал) г. Орёл

Савинова Е.Н.,

кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии, государственного и муниципального управления; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Орловский филиал) г. Орёл

ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ШОТЛАНДИИ

В статье предпринимается попытка проанализировать этнический фактор политического развития современной Шотландии в контексте основных научных подходов к осмыслению этничности и национальной идентичности. Авторы обосновывают вывод, что определяющим фактором политических изменений в Шотландии стало возрождение шотландского национального самосознания, которое приверженцы британского имперского шовинизма обозначают термином «национализм». В противовес этому термину авторы предлагают использовать понятие «этничность шотландцев», которое, по их мнению, более соответствует историческим и политическим реалиям Шотландии. Авторы полагают, что именно этничность шотландцев выступает сегодня важнейшим фактором политического развития современной Шотландии.

Ключевые слова: Шотландия, этничность шотландцев, суверенитет, государственная независимость, национальная идентичность, этнический фактор политического развития, Шотландская Национальная Партия, Великобритания.

Украинский кризис актуализировал сегодня проблему влияния этнического фактора на развитие политических процессов в различных регионах современного мира. И если незрелое национальное самосознание украинцев уже отчетливо показало свою деструктивность, и вопрос об этнических основаниях украинской государственности сегодня остается более чем открытым, то национальное самосознание шотландцев всегда было тем культурно-историческим фундаментом, на котором строилось и развивалось суверенное Шотландское государство. В этом проявляется очевидная глубочайшая историческая разница между современной Украиной и современной Шотландией. Первая стоит на пороге утраты своего суверенитета, искусственно возникшего на обломках СССР, вторая, напротив, целенаправленно стремится вернуть свой суверенитет, искусственно утраченный в 1707 году. Но и в первом, и во втором случае политические тенденции в указанных странах в существенной степени обусловлены этническим фактором.

Во многих отношениях Шотландия такая же реальная страна, как и Ирландия, Бельгия или Нидерланды. Однако важным отличием является то, что современная Шотландия не является государством

в общепринятом политическом понимании, так как, начиная с Акта об унии 1707 года, она утратила свою государственную независимость. С этого времени Шотландия вместе с Англией и Уэльсом, является частью Соединенного Королевства Великобритании. И как таковая она до относительно недавнего времени оставалась частью уже несуществующей, но все еще агонизирующей Британской империи, которая в своем зените простиралась по всей широте и долготе земного шара.

В рамках этого союза Шотландия изменилась, превратившись из страны на периферии европейского континента, полагающейся в основном на свое сельское хозяйство и торговлю сырьем, в крупный центр торговли и в одну из промышленно развитых зон мира. Она также изменилась в культурном смысле, создав национальную культуру, которая впервые, нивелировала культурную пропасть между Хайлендом и Лоулендом. И нужно отметить, что в период всех этих экономических и культурных изменений страна была неотъемлемой частью процессов, которые Линда Колли назвала «выковыванием британской нации» [1].

Характер отмеченных изменений и место Шотландии в рамках Соединенного Королевства уже давно стали предметом многочисленных дискуссий. Так И. Уоллерстайн, рассматривающий этничность на транснациональном уровне мировых систем, в данной связи говорит о «развитии по приглашению» [2], а М. Хечтер, анализирующий этничность в рамках наций-государств, трактует шотландские социокультурные изменения с точки зрения «внутреннего колониализма» [3]. Оба они дали пищу для размышлений многим исследователям, желавшим объяснить этнокультурное развитие Шотландии. Указанные авторы, в некотором роде, утверждают, что Англия попустительствовала шотландскому капитализму до тех пор, пока не было решено поставить во главу угла национальные английские цели, что получило свое выражение в имплантации английской культуры в Шотландии.

Другие, такие как Т.М. Дэвин, Д. Маккроун и К. Харви довольно активно отстаивают мысль об этнокультурной уникальности Шотландии [4]. Эти исследователи указывают на историческую и этническую устойчивость уникальной шотландской культуры.

Каким бы ни было исторически сложившееся положение вещей в отношениях между Шотландией и Вестминстером, понимание сущности этих отношений в течение последней четверти двадцатого века изменилось. Если до этого место Шотландии в рамках Союза никогда не было предметом обсуждения для широкой общественности, то теперь эта ситуация изменилась. В данном контексте определяющим фактором таких изменений стало возрождение шотландского национального самосознания, которое закосневшие британцы (великобританские шовинисты) предпочитают называть «национализмом». В противовес этому термину мы будем использовать понятие «этничность» (точнее, этничность шотландцев), которое более соответствует историческим и политическим реалиям.

«Этничность» — понятие, широко используемое в науке и обозначающее различные формы идентичности (в том числе политические), проявляющиеся в жизнедеятельности тех или иных этнических общностей.

Терминологическое развитие рассматриваемого понятия начинается с 1960-х годов, когда этот концепт «этничность» стал научным ответом на изменения в постколониальном геополитическом пространстве. Отдельную роль здесь сыграли национальные движения во многих промышленно развитых странах, таких как, например, Великобритания и Франция. Появление разнообразных научных интерпретаций этничности было обусловлено столь разными явлениями, как социальные и политические изменения, изменение и формирование идентичности, нациестроительство, ассимиляция, и иными.

В результате в научной литературе сформировалось три основных подхода к трактовке этничности: эссенциалистский (примордиалистский), инструменталистский и конструктивистский [5].

Примордиалистский подход понимает этничность как явление, глубоко связанное с определенной этнической общностью и ее культурой, а значит, и с существующими в этой общности идентичностями, которые могут рассматриваться или как биологические (прежде всего), или как культурно-исторические (во вторую очередь). На этот подход оказал сильное воздействие эволюционизм с его интересом к биологическим, генетическим и геогра-

фическим факторам. Исходя из эволюционистского видения вопроса, идентичности как бы заложены в генетическом коде и являются продуктом ранней человеческой эволюции. В крайней форме этот подход рассматривает этничность в категориях социальной биологии как расширенную форму родственного отбора и изначальный инстинктивный импульс. Схожие построения распространены и в отечественной научной мысли в рамках теории этноса, где явно выраженный характер приобретают социальный биологизм и географический детерминизм (Л.Н. Гумилев, С.М. Широкогоров) [6].

Более социально-ориентированными, но от этого не менее эссенциалистскими являются доминирующие в российском обществознании типологические конструкции этносов, субэтносов, метаэтносов, а также «компонентные» теории этноса, присутствующие в работах таких исследователей, как Ю.В. Бромлей, В.И. Козлов, В.В. Пименов, Ю.И. Семенов и др. [7].

Примордиализм рассматривает этничность, прежде всего, как общность, члены которой связаны друг с другом объективными факторами принадлежности к единому целому (территория, язык, экономика, расовый тип, религия, мировоззрение и даже психотип). Большинство российских авторов полагаю, что для понимания этничности первичное значение имеет социальный архетип («этнические корни»), игнорирование которого (например, в политике) является глубочайшим заблуждением. В результате парадигма «этнических корней» позволяет создавать целые генеалогии современных наций и этносов. Для групповых этнических категоризаций широко используются историко-лингвистические классификации, историко-археологические и физико-антропологические реконструкции, которые привязываются к современной номенклатуре этнических групп и к их историческому и пространственному картографированию [8].

Более современные научные подходы в рамках этой методологической традиции признают субъективную природу этничности, как и любой другой формы групповой социальной идентичности, только обращенной в прошлое и оформленной в современной жизнедеятельности через культурно-языковые характеристики. Данные характеристики исследователи и общественно-политические лидеры прослеживают через географию и историю той или иной этнической группы. В свою очередь, можно отметить, что культурное наследие и историческая преемственность позволяют находить личный и социальный смысл существования Человека и дают ответ на вопрос, почему индивид оказывается вовлеченным в ту или иную традицию.

Культурно-языковая или психокультурная интерпретация этничности в рамках примордиализма также рассматривает этническую идентичность как неотъемлемую психологическую часть «я», а ее изменение — как неестественное и навязанное человеку. Подобные взгляды на этничность широко распространены в обществах, где этнокультурным различиям придается особая значимость вплоть до ее официальной регистрации государством и даже построения государственности на этнической основе.

Социальное значение этничности становится более понятным, когда помимо эмоциональных характеристик анализируются также и рационально-функциональные моменты. В данном случае проявления этничности могут уже рассматриваться как механизмы социальной мобильности, преодоления конкуренции, доминирования и социального контроля, взаимных услуг и солидарного поведения в целях политической мобилизации и достижения цивилизационных устремлений той или иной этнической общности. Инструменталистский подход с его методологическими корнями, уходящими в социологический функционализм, интерпретирует этничность как своеобразный результат политического мифотворчества, осуществляемого и используемого национальными элитами в их стремлении к различным преференциям (прежде всего властным). Исходя из данной трактовки, можно сделать вывод о том, что этничность возникает в динамике соперничества элит в рамках политических и экономических реалий. Правда, иногда функционализм обретает психологическую окраску, и в таком случае проявления этничности объясняются в контексте необходимости возрождения утраченной национальной гордости.

Указанных подходов в трактовке этничности придерживались (и придерживаются) отечественные (Ю.В. Арутюнян, М.Н. Губогло, Л.М. Дробижева, Ж.Т. Тощенко) и зарубежные исследователи (У. Коннор, Д. Миллер, Э. Смит) [9].

Впрочем, как справедливо отмечает крупнейший российский специалист по вопросам этничности академик В.А. Тишков, «все подходы к пониманию этничности не являются обязательно взаимоисключающими» [10]. И он же предлагает интегрировать «наиболее значимые аспекты в цельную теорию этничности на основе конструктивистского синтеза, в котором есть чувствительность к контексту». Этничность, по мнению В.А. Тишкова, «возможно рассматривать в системе социальных диспозиций и ситуативной зависимости на разных уровнях и контекстуальных горизонтах: транснациональном уровне мировых культурных систем и диаспорных связей, в рамках наций-государств с точки зрения доктрины меньшинств, «внутреннего колониализма» или «структурного насилия», межгрупповом уровне в контексте теории культурной границы и внутригрупповом в рамках психологических теорий реактивной, символической и демонстративной этничности и стигматизированных идентичностей» [11]. Таким образом, предлагаемый В.А. Тишковым подход позволяет рассматривать «не человека в этничности (на отечественном научном жаргоне «этнофора»), а этничность в человеке», что позволяет более адекватно воспринимать социально-политические и общецивилизационные реалии, и более конструктивно воздействовать на этничность посредством механизмов общественного управления.

Хотя среди ученых и нет единства в подходе к определению феномена этничности [12], но есть некоторые свойственные человеческим общностям характеристики, которые позволяют говорить о присутствии в этих общностях этничности. К числу таких характеристик относятся:

– наличие разделяемых членами группы представлений об общем территориальном и историческом происхождении, наличие единого языка, общих черт материальной и духовной культуры;

– политически оформленные представления о родине и особых институтах, как, например, государственность, которые могут считаться частью того, что составляет представление о народе;

– чувство отличительности, т.е. осознание членами группы своей принадлежности к ней, и основанные на этом формы солидарности и совместные действия.

Возвращаясь к рассматриваемой нами проблеме этничности шотландцев, отметим, что импульс к ее активизации в политических процессах Великобритании дала в 1970-х Шотландская Национальная Партия (SNP), которая впервые после закона о Союзе, популяризировала вопрос о «домашнем правиле» (шотландской независимости). В результате, в качестве политической силы SNP смогла собрать 22 процента и 30 процентов голосов избирателей в ходе двух всеобщих выборов 1974 года. С этого времени этничность стала доминировать на политической карте Шотландии, это было доказано не только SNP, но и шотландской лейбористской партией, которая с 1970 взяла на себя важные составляющие шотландской национальной повестки дня. Это привело к изменению политических взглядов среди крупных политических партий Великобритании в сторону деволюции, и создало атмосферу, которая в 1997 году позволила Парламенту Шотландии быть воссозданным после 290-летнего перерыва. То, что этничность шотландцев так и осталась соответствующей политической проблемой для Вестминстера, лучше всего свидетельствует тот факт, что 5 мая 2011 года SNP впервые с момента своего возникновения выиграла абсолютное большинство на шотландских парламентских выборах, расчистив путь вопросу о национальной независимости Шотландии.

Шотландцам не только удалось укрепить свои позиции в политическом пространстве Великобритании, с 1970 года наметились характерные изменения в национальной самоидентификации шотландцев. В данной связи отметим, что эти изменения повлияли на характер шотландской этничности.

Итак, как показали исследования, в 1979 году, число жителей Шотландии, идентифицирующих себя как британцев, снизилось в пользу тех, кто считают себя шотландцами. В 1999 году только 17% опрошенных указали, что они считают себя британцами, по сравнению с 21% в 1979 году. Более того, исследования 1997 года показали, что 61% опрошенных указали, что они называют себя исключительно шотландцами (или в большей степени шотландцами, чем британцами), 27% опрошенных указали, что они считают себя британцами и шотландцами в равной степени, и только 8% назвали себя больше британцами, чем шотландцами. Хотя не все количественные исследования национальной самоидентификации полностью сопоставимы, тем не

менее, справедливо было бы сделать вывод, что шотландцы уже в 90-е годы XX века в большей степени идентифицировали себя именно как шотландцев [13].

Поскольку две названные тенденции (возрастание роли этничности в политике и перемены в национальной самоидентификации) наметились в одни и те же сроки, логика, казалось бы, позволяет предположить, что они связаны между собой. И это вполне соответствовало бы традиционным теориям национализма. Э. Геллнер в своих исследованиях позиционирует нацию и национализм, опираясь на постулат о том, что нация основывается на общности между людьми: «Два человека принадлежат к одной нации, только если они принадлежат к одной и той же культуре...» [14] и «...два человека принадлежат к одной нации, только если они признают друг друга в качестве принадлежащих к этой нации» [15]. Другими словами, по мнению Э. Геллнера и тех, кто разделяет его взгляды (например, Е. Хобсбаум, который утверждает, что нация строится на «национальной идентификации»), нация формируется на общей идентичности.

Научная значимость определения Е. Хобсбаума заключается в том, что национальная идентификация, по его мнению, не является фиксированной и застывшей, но может изменяться (и со временем меняется). Изменения и смещения в национальной идентичности отсылают нас к теории Б. Андерсона, который описывает народы как воображаемые сообщества [16]. Основой теории Б. Андерсона является посыл о том, что страны представлены крупными сообществами людей, а это, в свою очередь, лишает человека возможности знать всех других людей внутри сообщества. Таким образом, связь между членами одного крупного сообщества основывается не на реальных, а на воображаемых принципах общности и единства. Следовательно, заключает Б. Андерсон, нация является воображаемым сообществом с воображаемыми общими связями и общей идентичностью. Жизнеспособность этой трактовки в контексте национальной идентичности шотландцев была показана в 2002 году Р. Бондом и М. Росси в их статье о влиянии национальных идентичностей на пост-деволюцию Шотландии [17].

Они обнаружили, что те, кто идентифицировал себя (полностью или в основном) с национальной принадлежностью к шотландцам, скорее всего, голосовли (и продолжают голосовать) за SNP, а значит, и за расширение полномочий Парламента Шотлндии, и за независимость. Таким образом, можно сделать вывод, что в Шотландии нация, политическая этничность и национальная идентичность тесно взаимосвязаны [18].

Несмотря на явную важность проявления национальной самоидентификации в голосовании, а также политической этничности (в частности SNP), имеется довольно мало научных работ, которые бы дали возможность проследить взаимосвязь между указанными явлениями. М.С. Лейт является исключением, т.к. в своем исследовании рассматривает вопрос о том, как SNP представляет Шотландию и scottishness («scottishness» — «качества шотландского», «черты, по которым можно определить шотландскость»; данный термин употребляется с начала 60-х годов XIX века по настоящее время) [19]. Он приходит к выводу, что SNP частично перешла от представлений о scottishness, как о совокупности этнических черт с конкретными содержательными границами, до гражданских характеристик этого понятия. Тем не менее в большинстве случаев этничность и гражданство интересуют специалистов как отдельные проблемы. В данной связи отметим, что такие авторы, как Р. Финлей, П. Линч, Э.Г. Хэссен и Р.Д. Керноган дали широкое представление о национальном движении в Шотландии (и в частности, о SNP) [20].

Эти исследователи рассмотрели процессы возникновения, организации, взаимодействия людей, которые были частью национального движения в Шотландии. Но в основном работы указанных авторов сосредоточены на описании и лишь частичном объяснении успехов SNP, что обусловлено современным исключительно феноменологическим взглядом на вещи. Они также довольно узко сосредоточили свое внимание на политических аспектах и на описании эволюции партии без акцента на более широких исторических и социокультурных аспектах. Что еще характеризует эти исследования, так это то, что они вряд ли дают ответ на вопрос: что делает SNP коллективным национальным лидером Шотландии. Рефреном трудов указанных авторов в данном контексте является мысль о том, что SNP называет себя национальной партией, призывающей к неза-

висимости Шотландии, и, таким образом, именно эти обстоятельства позволяют ей лидировать. То есть, указанные исследователи не объясняют изменения в национальном движении Шотландии через призму метаистории, и не пытаются осмыслить метафизическую сущность рассматриваемого явления. Это упущение можно объяснить отсутствием у исследователей интереса к Человеку. Впрочем, сегодня науке вообще не хватает методологии, которая бы позволяла соединить феноменологические методы исследований с метафизическими, что позволило бы глубже смотреть на те или иные явления, и делать более объективные выводы, в том числе, по вопросу о ноуменальной сущности большого исторического процесса формирования «шотландской нации» [21].

Что же касается самоидентификации, то на основании ранее упомянутых опросов можно отметить приверженность населения Шотландии как к британской, так и к шотландской идентичности. Обе эти идентичности являются историческими конструкции в той мере, в какой они возникли с течением времени и на основании общей истории. И хотя такие авторы, как Х. Тревор-Ропер и Л. Колли выступают против актуальности и реальности существования шотландской идентичности, в науке все-таки закрепились и стали общепризнанными тезисы о том, что и шотландская, и британская идентичности реальны, и при этом они не являются взаимоисключающими [22]. Авторы, занимающиеся историей Шотландии обнаружили, что эти идентичности возникли в разные исторические периоды, и связаны с разными институциональными проявлениями в развитии шотландского общества. В этой связи такие исследователи как Т.М. Дэвин и К. Харви указывают, что шотландская идентичность ассоциируется, прежде всего, с процессом развития национальной культуры, вдохновленной в восемнадцатом веке «тартанизмом» (tartanism)[1], в девятнадцатом веке «Кэльярдом» (Kailyard)[2] и в двадцатом веке «Красным Клайдсайдом» (Reid Clydeside)[3]. Они признали определенные проявления шотландской этничности, такие как национальное законодательство, национальное образование и национальная шотландская церковь, задающих определенные рамки, в которых опознается «шотландскость». Сторону британской идентичности отстаивает Т. Нэрн, который еще в 1977 г. идентифицировал имперское начало как центральную идейную силу, формировавшую «британскость» в пределах Союза в восемнадцатом, девятнадцатом и первой половины двадцатого столетий [23]. Такое видение вопроса было частично разделено Л. Колли, который, однако, признал более значимым другой фактор (в период 1707 – 1837гг.), а именно: общее протестантство, объединившее в войнах против Франции всех британцев в единую нацию [24]. Отметим, что Л. Колли согласен с Т. Нэрном в том, что исходя из британской идентичности, именно империя (и в некоторой степени промышленность), являются важными факторами. Историческое значение Британской империи для Шотландии и шотландское положение в Союзе стало также и основным предметом изучения в работе Т.М. Дэвина «Scotland's Empire 1600 – 1815», а мнение о влиянии промышленности (наряду с Л. Колли) было высказано К.А. Уотли в книге «The Industrial Revolution in Scotland» [25]. Однако, все названные факторы, повлиявшие на возникновение британской идентичности у шотландцев, можно увидеть не только оглядываясь назад в историю. Это показал М. Питток в своей книге «Scottish №ationality», обстоятельно проанализировав экономический (развитие промышленности и особенно торговли) и имперский факторы, которые стали значительным аргументом для тех шотландцев, которые положительно отзываются о Союзе [26].

Кроме того Т.М. Дэвин, Д. Маккроун, а также Х.М. Бегг и Дж. А. Стюарт отмечают влияние британской системы государственного управления на отношения между Шотландией и остальной частью Союза [27]. Однако, их взгляды отличаются (в нюансах), по вопросу о характере этого влияния. Х.М. Бегг и Дж. А. Стюарт подчеркивают, что роль британской системы госуправления после 1850-х годов проявлялась в решении тех задачах, которые традиционно были частью только шотландской компетенции, и именно этот фактор способствовал интеграции Шотландии в Союз. С другой стороны есть точка зрения Т.М. Дэвина и Д. Маккроуна о том, что создание шотландских органов управления в рамках общебританской системы послужило началом автономизации властей Шотландии от Вестминстера. Таким образом, мнения данных авторов расходятся на

предмет трактовки роли государственного управления Великобритании и Шотландии в контексте взаимосвязи британской и шотландской идентичности.

В более поздний период также предпринимались попытки найти ответ на вопрос о том, что значит быть британцем в Шотландии, подтверждение чему мы находим в исследованиях Т.С. Смаута, который указывает на такие факторы как рост численности государственного аппарата в течение девятнадцатого века, а также укрепление идей создания государства всеобщего благоденствия во второй половине двадцатого века [28].

Однако общая мысль, которая проходит через исследования всех перечисленных авторов, состоит в том, что в Шотландии одновременно развивались две идентичности. Поэтому можно обнаружить, что современная шотландская национальная идентичность, сформированная в условиях развития и укрепления Великобритании, создавала у шотландцев одновременно еще и британскую идентичность. Впрочем, сегодня шотландцы в большей степени склонны демонстрировать свою «шотландскость», нежели «британскость». Объективным подтверждением этой мысли служат результаты опроса, проводившегося в Дамфрисе и Гэллоуэе консалтинговой компанией ComRes[4] по инициативе телевизионного канала ITV Border. Из 100% опрошенных (1004 человека): 12 % считают себя однозначно только шотландцами; 24% сказали, что они больше шотландцы, чем британцы; 35% опрошенных заявили, что они чувствуют себя в равной степени шотландцами и британцами; 7% отметили, что они больше британцы, чем шотландцы; и только 21 % настаивали на своей британской идентичности; наконец, у 1% опрошенных были выявлены проблемы с идентичностью (они не смогли себя идентифицировать). Таким образом, опрос выявил идентичность лоулендеров юго-запада Шотландии, которые считают себя прежде всего шотландцами, а не британцами [29].

На наш взгляд, результаты опроса, проведенного именно в Дамфрисе и Гэллоуэе, очень показательны в контексте рассмотрения проблемы этничности и идентичности всех шотландцев. Во-первых, Дамфрис и Гэллоуэй представляют собой самую консервативную и пробритански настроенную часть Лоуленда, и, во-вторых, плотность населения в этом регионе (23 человека на квадратный километр) в несколько раз ниже среднего показателя для Шотландии[5]. Все это свидетельствует о том, что в остальных регионах Шотландии (особенно в Хайленде) число жителей, имеющих шотландскую (а не британскую) идентичность, значительно превышает показатели по Дамфрису и Гэллоуэю.

Таким образом, видно, что, несмотря на наличие изрядного количества исследований, посвященных (прямо или косвенно) шотландской этничности, явно недостает трудов, в которых этничность шотландцев была бы научно осмыслена как социокультурная основа развития политического процесса в современной Шотландии [30]. Этот факт дает нам право говорить о научной и практической значимости того направления в изучении этнического фактора политического развития современной Шотландии, которое лишь отчасти было обозначено в данной статье.

Библиографический список

Colley L. Britons: Forging the №ation 1707—1837 revised edition. №ew Haven and London. Yale University Press. 2009. 442 p.

Wallerstein I. The Capitalist World. Cambridge. 1979. P. 52—54.

Hechter M. Internal colonialism the Celtic fringe in British national development. №ew Brunswick and London. 1999. P. 15—46.

Devine T.M. The Scottish nation 1700—2007. London. 2006. P. 574—617; McCrone D. Understand Scotland the sociology of a nation. London and №ew York. 1992. P. 149—174; Harvie Ch. Scotland and №ationalism Scottish society and politics 1707 to the present fourth edition. Oxfordshire. 2004. P. 11—35; 162—189; 219—239.

Тишков В.А. Этнос или этничность? // Научные труды / Статьи / Блог В.А. Тишкова — URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/etnos_ili_.html — [Дата обращения: 12.03.2014].

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: АСТ. Астрель. 2005. 512 с.; Широкогоров С.М. Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай. 1923. 69 с.

Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы: теория, история и современность. М.: Наука. 1987. 333 с.; Козлов В. И. Этнос. Нация. Национализм. Сущность и проблематика. М.: Старый сад. 1999. 343 с.; Пименов В.В. Основы этнологии. М.: МГУ.

2007. 699 с.; Ю.И. Семенов. Этнос, нация, диаспора // Этнографическое обозрение. 2000. №2. С. 15–31; Ю.И. Семенов. Этнополитология: Трудный путь становления новой научной дисциплины // Отечественная история. 2001. № 4. С. 170 – 178

Тишков В.А. Этнос или этничность? // Научные труды / Статьи / Блог В.А. Тишкова – URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/etnos_ili_.html – [Дата обращения: 12.03.2014];

Арутюнян Ю.В. Опыт осмысления проблемы этнократии // «СоцИс». 2004. № 3; Губогло М.Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М.: Наука. 2003. 764 с.; Дробижева Л.М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В.С. Магун. М.: Издательство Института социологии РАН, 2006. 327 с. Тощенко Ж.Т. Этнократия: история и современность (социологические очерки). М., РОССПЭН, 2003. 432с.; Connor W. Nationalism and Political Illegitimacy // Ethnonationalism in the Contemporary World / Daniele Conversi Ed. London and New York: Routledge. 2003. P. 24–50; Miller D. Advertising, Production and Consumption as Cultural Economy // Advertising cultures / Eds. T. de Waal Malefyt, B. Moeran. Oxford; N.Y: Berg. 2003. P. 75–90; Смит Э. Национализм и модернизм. М.: Праксис, 2004. 464 с.

Тишков В.А. Этнос или этничность? // Научные труды / Статьи / Блог В.А. Тишкова – URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/etnos_ili_.html – [Дата обращения: 12.03.2014];

Тишков В.А. Новая политическая антропология // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Том IV. № 4.

Арутюнов С.А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М.: Наука. 1989. 247 с.; Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. Изд.4. М.: Наука. 2012. 440 с.; Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. Л.: Издво ЛГУ. 1989. 496 с.; Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. Л.: Наука. 1990. 278 с.; Идентичность и конфликт в постсоветских государствах, под ред. М.Б.Олкотт, В.Тишкова и А.Малашенко. М.: Моск. Центр Карнеги, 1997; Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга, под ред. В.Воронкова, И.Освальд. СПб.: Дмитрий Буланин. 1998. 304 с.; Леви-Строс К. Структурная антропология. М. 2001. 512 с.; Пименов В.В. Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л. 1977. 262 с.; Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир. 1997. 532 с.; Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы, расы, культуры. М.: Наука. 1985. 272 с.; Banks M. Ethnicity: Anthropological Constructions. L. 1996. P. 151; Connor W. Ethnonationalism. The Quest for Understanding. Princeton. 1994. 248 pp.; Geertz C. The Interpretation of Cultures. N.Y. 1973. P. 3–30; Hechter M. Internal Colonialism. The Celtic Fringe in British National Development, 1536–1966. Berkeley. 1975. P. 30; Miller D. On Nationality. Oxf.: Oxford University Press. 1995. 220 pp.

McCrone D. Understanding Scotland the sociology of a nation – second edition. New York. 2001. P. 31–53.

Gellner E. Nations and Nationalism – second edition. Malden. Oxford & Carlton. 2006. P. 6.

Gellner E. Nations and Nationalism – second edition. Malden. Oxford & Carlton. 2006. P. 7.

Anderson B. Imagined Communities – revised edition. London and New York. 2006. P. 4–13.

Bond R., Rossie M. National-Identity is Post-Devolution Scotland. Scottish Affairs. 2002. P. 34–53.

Hobsbawm E.J. Nation and nationalism since 1780 program, myth, reality second edition. Cambirdge. 1994. P. 1–13; Gellner E. Nations and Nationalism. P. 1–7

Lieth M. S. Scottish National Party Representations of Scottishness and Scotland. Politics. 2008. P. 83–92.

Finlay R. Independent and Free: Scottish Politics and the Origins of the Scottish National Party. Edinburgh: John Donald Publishers. 1994; Hassan G. The modern SNP from protest to power. Edinburgh: Edinburgh University Press. 2009; Lynch P. SNP the history of the Scottish National Party. Cardiff. 2002. P. 133; Kernohan R. D. The political scene in Scotland. Contemporary Review. P. 33–38.

Smout T.C. Perspectives on the Scottish identity. Scottish Affairs. 1994. P. 101–113.

Trevor-Roper H. The invention of Scotland myth and history. New haven and London. 2009. 236 pp.; Colley L. Britons Forging the Nation 1707–1837 revised edition. New Haven and London. 2009. P. 118–133; 372–393.

№airn T. The break-up of Britain — second edition. Wiltshire. 1981. P. 11—92.

Colley L. Britons. P. 118—133; 372—393.

Whatley Ch. A. The Industrial Revolution in Scotland. Cambridge. №ew York and Melbourne. 1997. P. 38—63; Devine T.M. The Scottish nation. P. 363—388.

Pittock M. Scottish №ationality. №ew York. 2001. P. 1—13; 81—102.

Begg H. M., Stewart J. A. The №ationalist Movement in Scotland. Journal of Contemporary History. 1971. P. 135—143; Harvie Ch. Scotland and nationalism Scottish society and politics 1707 to the present. London and №ew York. 2004. P. 80—110.

Smout T.C. Perspectives on the Scottish Identity, in Scottish Affairs 6 (winter). 1994. P. 101—113

Scottish indepence poll shows Borders intentions // The Scotsman / Politics Thursday. 13th March 2014. — URL: http://www.scotsman.com/news/politics/top-stories/scottish-indepence-poll-shows-borders-intentions-1—3260422 — [Дата обращения: 13.03.2014]

Bond R., Rossie M. №ational-Identity in Post-Devolution Scotland. Scottish Affairs. 2002. P. 34—53.

[1] «Тартанизм» (tartanism) — движение, зародившееся после 1782г., и направленное на возрождение шотландских традиций и возвращение клановых тартанов, которые восстанавливали по портретам и старым книгам портных, содержавшим описания клетчатых орнаментов. Одновременно шотландцы занялись созданием новых тартанов.

[2] Точнее «кэйлъярдская школа» (kailyard school) — шотл. литературная школа кон. 19 в., представители которой создавали сентиментально-романтический образ «старой доброй Шотландии», предпочитая писать о жизни маленьких патриархальных местечек и широко используя слова и выражения из местного диалекта. Слово «kailyard» было взято из названия сборника рассказов Йоана Макларена (настоящее имя — Джон Уотсон; 1850—1907), наряду с которым наиболее видными представителями этой школы были С. Р. Крокетт и Дж. М. Барри (автор «Питера Пэна»).

[3] Красный Клайсайд (Reid Clydeside) — период массового подъёма радикального рабочего движения в Шотландии. Длился с начала 1910-х до начала 1930-х годов. Своё название получил от области распространения вокруг городов, расположенных на берегах реки Клайд: Глазго, Клайбанк, Гринок и Пейсли.

[4] ComRes — компания, осуществляющая консалтинговые исследования и проводящая опросы общественного мнения среди лиц британского происхождения. Компания имеет свою зарегистрированную штаб-квартиру в Лондоне (Великобритания), а также имеет офисы в Брюсселе, Эдинбурге и Кардиффе. ComRes была создана в 2003 году под руководством нынешнего главного исполнительного директора Эндрю Хокинса.

[5] Дамфрис и Гэллоуэй входит в число наименее населенных регионов Европы.

Turin E.A., e-mail: Turin.of.Foveran@yandex.ru, Candidate of Political Sciences; Scientific Secretary of the Scientific Council; Assistant Professor at the Department of Political Science, State and Municipal Government; Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Orel branch; Orel, Russia

Savinova E.N, e-mail: SavinovaE.N@yandex.ru, Candidate of Political Sciences; Assistant Professor at the Department of Political Science, State and Municipal Government; Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Orel branch; Orel, Russia

ETHNIC FACTOR OF POLITICAL DEVELOPMENT OF MODERN SCOTLAND

The authors make an attempt to analyze sociocultural basis of development of the political process in modern Scotland, in the light of the main scientific approaches to understanding of ethnicity and national identity. The article substantiates the conclusion that the determining factor of the political changes in the relations between Holyrood and Westminster was the revival of Scottish national identity, which the adherents of the British great-power chauvinism prefer to call «nationalism». In contrast to this term the authors suggest to use the concept of «ethnicity» (ethnicity of Scots), which, in their opinion, is more consistent with the historical and political realities of Scotland. The authors believe that ethnicity is one of the most important social and cultural bases of development of the political process in modern Scotland.

Keywords: Scotland, national sovereignty, national independence, ethnicity Scots, identity, socio-cultural foundations of the political process, the Scottish National Party, United Kingdom